

Предисловие

В конце VIII – начале IX в., на переломе двух эпох - Нара и Хэйан, мировозренческая система Японии пополнилась новыми элементами; в религиозную и общественно-культурную жизнь страны массу новых веяний внес монах Кукай (774-835), представив в созданной им школе Сингон новое мировоззрение, философию, культуру и искусство.

Спустя полтора века после «реформы Тайка» (VII-VIII вв.) - масштабных политико-административных реформ, проведенных ради построения государства по образцу китайской империи – это стало очередной волной инноваций, представившей Японии дотоле неизвестные парадигмы отношений к миру вообще и к жизненным явлениям в частности.

Буддийские институты и концепции претерпевали в Японии значительные изменения, становясь отличными от тех, какими были в Индии и Китае. Причинами видится: 1) ограниченность связей с материком (географическая изолированность), 2) японский национальный характер (готовность к ассимиляции и синкретизации новых идей, характерная для страны и народа), 3) создание громадного количества комментариев к привезенным буддийским трудам; написание собственных работ, в которых изменялись исходные идеи и мысли. Представленное Кукаем новое направление – Мантраяна (букв. «Сокровенное учение мантр», 真言密教, в Японии ставшее известным как Сингон) – в сущности представляло собой экспериментальную систему. В Китае ее деятели основывали свои креденциалы на той предпосылке, что их учение ведет непрерывную линию развития от вселенского Будды Махаяны, что требовало доказательств и подтверждений. Кукаю же, за спиной которого было уже полтора столетия существования буддийского эзотеризма, было на кого сослаться и чьим авторитетом подкреплять свои заявления.

Личность Кукай возвышается над эзотерическим ландшафтом, затмевая всех (иногда – весьма оригинальных и значительных) деятелей Сингон. После его кончины система мировосприятия продолжала развиваться, однако многие новые идеи продолжали приписывать Кукаю (не в последнюю очередь из-за воздействия его мысли о всевключающем характере эзотерического учения¹). Агиографические клише, использовавшиеся в его многочисленных биографиях, служили моделями для описания жизни его последователей (в частности – Какубана).

Предыстория в Китае. Царствование императора Сюань-цзуна (713–756), до начала мятежа Ань Лушаня, — период наивысшего подъема танской империи. «Это было время невиданного блеска придворной жизни, расцвета тайских столиц, замечательных

¹ Что подробнейшим образом описывалось в его труде «Драгоценный ключ к тайной сокровищнице» (秘藏宝鑰) и особенно – в «Трактате о десяти пребываниях сокровенной мандалы» (秘密曼荼羅十住心論).

достижений в литературе и искусстве. То было также время важных перемен в политической жизни!...»². Сюань-цзун провел реформы, в числе которых главной была реорганизация военных сил страны (для успешной обороны границ). Он учредил крупные профессиональные армии под управлением *цзедуши* (генерал-губернаторов). Примечательно, что именно это обособление, до определенной степени, военной власти от государственной и стало первой трещиной в фундаменте империи Тан, появившейся в пору ее высшего расцвета. Сложилась ситуация, часто встречающаяся в политической истории средневековья: для самосохранения центральная власть вынуждена была создавать направляемые, но автономные в действиях вооруженные силы, которые, в свою очередь, становились угрозой для той же центральной власти.

Ситуация в танском Китае конца VIII–X вв. напоминала Японию почти того же времени — конца IX–X вв., когда милитаризм стал определять облик эпохи. Однако, при всех внутренних катаклизмах Китай поддерживал тесные контакты с сопредельными и отдаленными государствами, придававшие его жизни «космополитическую пестроту». Высшей точки они достигли в VIII в. «Никогда Китай не был так открыт для внешнего мира и не усваивал с такой готовностью все иностранное, будь то одежда или искусство, кухня или религия, как при раннетанских правителях»³. Самые активные отношения существовали с Согдийским царством (прежде всего — в сфере торговли), которое «... и в торговом, и в культурном отношении выступало главным образом посредником между Китаем и Ираном... Из Ирана в Китай проникли религиозные учения — зороастризм, несторианство, манихейство, позднее ислам... Танские ткачи украшали ткани так называемым сасанидским узором из повторяющихся фигур и композиций, часто заключающихся в кружки или розетки. Большой популярностью пользовались персидские орнаменты в виде стилизованных цветов и листьев»⁴.

С Индией Китай связывала, наряду с политикой и торговлей, передача буддийского учения, ведшаяся с I и до начала XI в.⁵

Появление эзотерического буддизма в Китае связано с именами трех индийских монахов: Шубхакарасимха (637–735), Ваджрабодхи (670–735) и Амогхаваджра (705–774), прибывших в страну в VIII в. и переведших на китайский язык массу сакральных текстов, включая два основных труда: «Махавайрочана сутру» и «Сутру Алмазной Вершины».

Особенно значимой была разработанная Амогхаваджрой техника транскрипции санскрита на китайский язык, а также «...создание системы диакритических знаков, указывающие на необходимые модификации в произнесении слогов, участвующих в транскрипции»⁶. Однако новой буддийской школы в Китае не образовалось. Эзотерическое учение не было направлено на обретение сторонников в широких слоях населения; в начале–середине VIII в. оно только–только оформилось на китайской почве текстологически, а в первой половине IX в. уже начались гонения на буддизм. За эти около ста лет ему удалось получить поддержку двора, что объяснялось, в первую очередь, обещаниями тех конкретных благ в текущей жизни, которые обретались путем магических практик. На элементе искусства в общей эзотерической мировоззренческой системе не делалось специального ударения, как это было позже в Японии, — и тантрический буддизм в Китае так и остался в плане социальном не организованной школой, но разрозненной группой наставников и их учеников.

² [Крюков и др. 1984: 17].

³ [Там же: 40].

⁴ [Там же: 44].

⁵ Считается, что первые переводы сутр на китайский язык были сделаны в правление императора Минди (57–75 гг.).

⁶ Подробнее см. [Крюков и др. 1984: 228].

На основании биографий трёх знаменитых монахов исследователь китайского буддизма К. Чэнь делает вывод: «Гантрический культ в Китае в период восьмого столетия центром своим имел столицу Чанъань, точнее — два храма: Дафусянь и Цинлун. Первый был самым большим храмом в городе и располагался к югу от императорского дворца. Основанный императором Вэнь при династии Суй, он занимал целый квартал. Цинлун-сы находился в юго-восточной части столицы; его основателем также был император Вэнь. В эпоху Тан японские монахи, прибывавшие в Китай, часто останавливались и обучались в этом храме, который считали "Наландой Китая". Вероятнее всего, он был более известен в Японии, нежели в Китае»⁷.

Тантризм глубоко укоренился в Тибете; в Китае же, в отличие от других буддийских школ, он «задержался» лишь на сто с небольшим лет, так и не оформившись в отдельную школу. За этот период с санскрита на китайский язык были переведены (индийскими монахами) основные сутры и трактаты с доктринальными категориями нового учения, что облегчило для японцев задачу осмысления и переноса новой школы на свою почву. Китай дал эзотерическому буддизму две выдающиеся личности — комментатора И-сина (683–727) и Хуэй-го (746–805), седьмого патриарха. Однако, их роль в распространении и развитии учения была далеко не столь значительна, как роль индийских и японских монахов.

Появление эзотерической школы в Японии, ее развитие и сохранение до настоящего времени связано с именем Кукая, широко известного под своим посмертным именем Кобо Дайси («Великий учитель, распространявший Закон»). Он был чрезвычайно одарённым лингвистом, свободно говорившим и писавшим на китайском языке и изучившим за 20 месяцев санскрит; мудрым политиком, которого уважали императоры и в Китае, и в Японии; просветителем, добивавшимся образования для детей всех социальных слоев; человеком искусства, писавшим стихи и трактаты по теории поэзии, планировавшим архитектурные сооружения; непревзойденным каллиграфом и, наконец, религиозным мыслителем, сделавшим попытку объединить все учения в единую универсальную систему.

Кукай — биография. Он родился в 774 г. в одной из самых влиятельных аристократических семей того времени⁸. Уже в молодые годы он проявил свои дарования и был взят под покровительство дядей по материнской линии, конфуцианским ученым. Кукай, носивший тогда имя Мао, был принят в столичную «академию» — *дайгаку* - заведение для детей высокопоставленных лиц⁹. Будучи первым по всем предметам, он, однако, оставил учебу и ушел в буддийский монастырь, став монахом. Но его не удовлетворили формы буддизма, существовавшие на тот период в Японии. Он уходит в горы и предается аскезе и медитациям; в ходе странствий, ему встречается монах-*шрамана*, который познакомил Кукая с коротким мистическим трудом *Гумондзихо*, в котором описывается ритуал поклонения бодхисаттве Акашагарбха¹⁰. Текст произвел на Кукая такое воздействие, что он занялся исключительно возгласением мантры бодхисаттвы и скоро обрел просветленность: «По долине разнесся мой голос; Рассветная Звезда [Венера] проявила свой облик»¹¹.

В поисках истинного учения в 804 г. он поехал в танский Китай, где рассчитывал

⁷ [Chen 1964: 336].

⁸ Его отец происходил из рода Сазки в районе Тадо провинции Сануки (о.Сикоку, совр. преф. Кагава). Их предки получили там земли в награду за усмирение восточных варваров Эдзо.

⁹ В заведение принимали отпрысков тех, кто занимал от пятого придворного ранга и выше. В случае особой одаренности, принимали тех, чьи родители были восьмого ранга и выше. Глава семейства Кукая имел шестой ранг.

¹⁰ Перевод помещен в Приложении.

¹¹ [Кобо Дайси 1979, т. 3: 2].

пробыть 20 лет (в состав миссии его включили прежде всего из-за хорошего знания разговорного и письменного китайского языка). Всего для поездки было отобрано около 600 человек, в число которых вошел будущий основатель школы Тэндай монах Сайтё (767-822), который после 17 лет учебы и медитаций на горе Хиэй подал прошение с просьбой о посылке его в Китай для сбора литературы и углубления знаний. Буддийские монахи часто входили в посольства, отправлявшиеся в Китай, но их отношение к этим миссиям отличалось от позиции придворных, которых пугали опасности морского путешествия.

В столице Чанъани Кукай пришел к седьмому патриарху эзотерического буддизма Хуэй-го, уже давно ждавшего встречи с человеком, которому можно было бы передать учение. Кукай стал его учеником, а после смерти — преемником. Еще в малом возрасте Хуэй-го привели показать Амогхаваджре в храм Синшань, и он прошел все инициации и усвоил (устно) эзотерические тексты, будучи чрезвычайно способным («видел одно — узнавал десять»). Он был близок ко двору императора Дай-цзуна. Эзотерическая традиция — две ветви — была передана ему от учителя Амогхаваджры («Сутра Алмазной Вершины») и от Сюань-чао, ученика Шубхакарасимхи («Махавайрочана сутра»); таким образом, он стал первым в истории тантрического буддизма патриархом, получившим инициации в обоих направлениях. У него было 12 учеников, в том числе из Индии, Кореи и Японии¹².

Сцена прихода Кукай к Хуэй-го напоминает нам встречу Хуэй-го с Амогхаваджрой и описана в «Списке привезенных [из Тан] и преподносимых [текстов и предметов]». Их общение продолжалось меньше года и проходило в непрерывной передаче учения; как говорил Хуэй-го, «вода переливалась из одного кувшина в другой». Уже в начале августа 805 г. Кукай прошел последнюю инициацию и стал полноправным преемником, восьмым патриархом эзотерического буддизма. В декабре Хуэй-го умер, предварительно завещав Кукаю вернуться в Японию и распространить сокровенное учение там, «дабы земля познала мир, а люди повсеместно были довольны».

Хуэй-го не оставил после себя письменных трудов — вероятно, он их не составлял, сконцентрировавшись на изустной передаче учения. Будучи первым преемником обеих традиций, он, безусловно, должен был серьёзно заниматься сведением их воедино, разрабатывать общую базу для двух сутр. Отголоски этих изысканий и дальнейшее их развитие мы находим в трудах Кукай. Суть их сводится к следующему. На передний план выдвигается разработанная ещё в Индии идея всеединства, присутствие во всем природы Будды. У единосущного Всего есть различные аспекты, которые можно разделить на две большие группы, все элементы которых парные, как бы имеющие своего контрагента, что призвано выразить недвойственную (*адвайта*) природу истинно сущего.

Эту «разделенность» Хуэй Го объединял в цельную систему. В работах Кукай мы находим краткие формулы с их последующим развитием, говорящие о всеприсущности природы Будды: «две части недвойственны» (两部不二), «составляют два, но не есть два» (持二不二), «сострадание и мудрость неразделимы» (悲智不二), «принцип и

¹² В работе «О передаче учения сокровенной мандалы» Кукай приводит слова Хуэй-го, сообщавшего о 6-ти своих главных учениках: Бяньхун из Явы и Хиэйл из Силлы получили степень ачарья по линии Махакарунанарбходбхава; Вэй-шан и И-юань получили главные ритуалы Ваджрадхату; И-мин и Кун-хай (Кукай) – ритуалы обеих мандал. «И-мин, служащий при дворе, также получает основные практики двух мандал. Теперь, прибыл из Японии шрамана Кукай, ищущий сокровенных учений. Он изучил тайные и глубокие ритуальные практики и мудра двух линий [- Махавайрочана-сутры и Ваджрашekhара-сутры], полностью вобрав их в сердце, с одинаковым умелым владением китайским [языком] и и санскритом. Получение его сердцем [знаний было] подобно переливанию воды [из кувшина в кувшин]» [Кобо Дайси 1979, т. 2: 89].

мудрость неразделимы» (理智不二).

Кукай вернулся в Японию в декабре 806 г., пробыв в Китае 30 месяцев вместо предполагавшихся 20 лет, привезя с собой массу литературы и всевозможные ритуальные предметы. Его не сразу допустили в столицу: ведь он нарушил императорский указ и вернулся на родину слишком рано. Лишь после смерти императора Камму он прибыл в Хэйанкё и началось его возвышение. В 816 г., уже получив ряд привилегий для своей школы, Кукай подал прошение о строительстве монастыря на горе Коя, который в дальнейшем станет центром школы Сингон. В 823 г. Кукай был назначен настоятелем столичного храма Тодзи. Умер он на горе Коя в 835 г. Со времени возвращения в Японию им было написано более 50 религиозных трактатов и комментариев к сутрам.

Кукай — один из тех немногих, кто был способен выйти за рамки традиции и установить «культурный инвариант». Вся его жизнь была непрерывным путешествием–паломничеством, которое он, как считают адепты Сингон, не прекратил и после смерти. Он родился в год смерти Амогхаваджры и считал себя его аватарой; перед уходом из жизни он говорил своим ученикам, что вернется на землю вместе с буддой Майтреей.

За жизнь Кукая сменились правления пяти императоров¹³. Для них столь выдающаяся фигура не могла остаться незамеченной, и, действительно, с императорами Сага, Дзюнна, Ниммё у Кукая сложились близкие, почти дружеские отношения. Император Хэйдзэй, сменивший Камму, был достаточно образованным человеком, но политика интересовала его много больше, нежели искусство. Взошедший вскоре на престол Сага был, как и его отец Камму, умелым политиком. Кроме того, он был весьма искусен в подборе преданных и способных министров. Дворец он превратил в салон для культурных раутов, чем заложил основу расцвета искусств в эпоху Хэйан. Сага был одним из первых в Японии императоров–эстетов. За время правления он выпустил три поэтические антологии, а при помощи Кукая и Татибана–но Хаянари утвердил несколько новых каллиграфических стилей. В 39 лет Сага отошел от дел и до конца дней занимался поэзией и изысканным письмом. Для Сага Кукай был не только другом и человеком высочайшей культуры, но и лицом, способным «охранить государство» (*тинго кокка*). Обе эти стороны личности Кукая он высоко ценил. Отношения Сага и Кукая в чем–то напоминали отношения танского императора Сюань–цзуна и шестого патриарха Ваджраяны Амогхаваджра с той разницей, что Сюань–цзун был приверженцем даосских идей и Амогхаваджре требовалось гораздо больше усилий, нежели Кукаю, чтобы убедить императора в преимуществах эзотерической системы. Сага советовался с Кукаем и по политическим вопросам. В частности, во время мятежа Кусуко (фаворитки экс–императора Хэйдзэя) Кукай был участником тайного совета, о чем сохранилась запись в «Тохоки» («Драгоценных записях [храма] То[дзи]»). Последнее, что Сага сделал для Кукая (за три месяца до отречения), было предоставление тому храма Тодзи, расположенного в черте столичного города.

Император Дзюнна, пришедший к власти после Сага, официально утвердил школу Кукая и удовлетворил его просьбу об использовании храма Тодзи исключительно монахами *Сингон–сю* (ранее в одном и том же храме могли заниматься монахи различных школ). Располагая монастырями на горе Коя¹⁴ и базовым храмом в

¹³ 49. Конин (770–781) 50. Камму (781–806) 51. Хэйдзэй (806–809) 52. Сага (810–823) 53. Дзюнна (824–833) 54. Ниммё (834–850). Цифра перед именем обозначает порядковый номер императора в традиционной японской схеме.

¹⁴ Японцы переняли китайскую традицию основания монастырей на какой-либо горе, название которой вскоре начинало ассоциироваться с определенной школой, или вообще замещать исходное

столице, приверженцы школы Сингон стали полностью независимы.

Как бы предвидя угасание интереса к новой философско–мировоззренческой системе, Кукай торопился. В 828 г. он открыл рядом с Тодзи Школу искусств и наук (綜芸種智院), в которой, по его замыслу, должны были бесплатно обучаться дети всех сословий (в 847 г. ее продали государству, чтобы на вырученные средства содержать больше монахов). Последнее, что смог сделать Кукай (и единственно, в чем успел ему помочь император Ниммё), — это получить за два месяца до кончины разрешение ежегодно принимать на обучение в монастырь Коясан трех монахов Сингон–сю за государственный счет¹⁵.

Подобно Сайтё, основавшего с помощью императора Камму полноценную школу Тэндай, Кукай привез в Японию форму буддизма, отличную от существовавших ранее, но, в отличие от Сайтё, он смог развить ее в сотрудничестве с нарскими школами. Император Сага в 823 г. разрешил Кукаю основать два монастыря эзотерического буддизма – Тодзи в Хэйанкё и на горе Коя – когда Кукай прервал общение с Сайтё и провел инициацию *абхишека* для Гонсо, высокопоставленного чиновника в администрации Сага. Двор вполне мог воспринимать Кукаю как фигуру, способствующую восстановлению нарушенных отношений с буддийским руководством из Нара и укрепляющую императорский контроль за нарскими монастырями, а потому относился к нему с благосклонностью.

Маловероятно, чтобы эзотерическая терминология, использовавшаяся Кукаем при проведении ритуалов, была понятна даже высшему образованному слою; тем не менее, такие выражения как 五部曼荼羅 («мандала Пяти Частей»), 法曼荼羅 («Дхарма-мандала»), 羯磨身 («тела кармических божеств»), 阿字閣 («дворец знака «А») и другие довольно скоро стали восприниматься как должное. Кукай не заявлял о создании «новой школы», но привнес в Японию новый тип буддийского дискурса, обогатив тот, что существовал в раннехэйанском обществе, массой новых терминов и понятий, причем не только китайского, но и индийского происхождения: мантра, абхишека, чинтамани, шарира и проч.

Руководство монастырей Нара не противилось инкорпорированию эзотерических элементов и новой системы в целом в собственный круг буддийских практик, считая, что они только помогут ей в противостоянии с конфуцианской идеологией, бюрократизировавшей буддийскую верхушку.

Кукаю удалось войти в союз с нарскими школами; не создавая открыто своей, он добился быстрого проникновения эзотерической терминологии и ритуалов в уже существующие. Кукай фактически помог истеблишменту, искавшему восстановления связей с императорским двором в Киото, после чего «школа Сингон» возникла уже естественным образом, как бы сама собой.

Ежегодный эзотерический ритуал *мисюхо*, отправлявшийся в императорском дворце с 835 г., был призван придать императору дополнительную добродетельность, описанную в «Сутре золотого света». Он ознаменовал собой замещение

название монастырского комплекса. Так, основанный Кукаем Конгобудзи часто именуется «Коя-сан»; Энрякудзи («головной» храм Тэндай к северо-востоку от Киото) – «Хиэйдзан».

¹⁵ В 921 г. Кукаю было даровано посмертное имя «Кобо Дайси» - «Великий Учитель, Распространявший Учение». Титула *дайси* удостоились на протяжении японской истории 23 буддийских святых, среди них: Дэнгё Дайси (Сайтё, глава школы Тэндай), Хоко Дайси (Синга, младший брат Кукаю), Тисё Дайси (Энтин, племянник Кукаю), Доко Дайси (Дзитиэ), Дзикаку Дайси (Эннин, побывавший в Китае после Кукаю и оставивший подробный дневник), Кокё Дайси (Какубан, реформатор школы Сингон, введший в ее доктринальную систему положения амидаизма), Кэнсин Дайси (Синран, один из основателей школы Чистой Земли), Сёё Дайси (Догэн, основатель школы Сото – направления Дзэн), Риссё Дайси (Нитирэн).

конфуцианства буддизмом как доминирующей государственной идеологией.

Об отношениях Кукая и Сайтё. В танский Китай они отправились в составе одной миссии, но на разных кораблях. Во время бури их разметало в стороны, и судно, на котором находились посол и Кукай, пристало к берегу намного южнее назначенного места. В столицу они добирались пешком, в то время как Сайтё проследовал в тяньтайские монастыри. Заметим, что официально он прибыл в Китай в ранге *сажисё* для сбора и систематизации материалов по культуре и религии. Обычно на такую должность подбирался человек выдающихся знаний (имеющий звание не ниже *хакасэ*). Сайтё же не знал ни санскрита, ни разговорного китайского языка (при нем был переводчик¹⁶). Следует также помнить, что он так и не побывал в столице Чанъани, не желая, вероятно, обнаруживать недостаточность своих знаний. Сам собой напрашивается вывод, что поездка его была в немалой степени амбициозным актом, имевшим главной целью упрочение положения Сайтё в буддийской иерархии.

Кукай, возвратившийся на родину в звании восьмого патриарха *мантраяны*, в плане иерархическом далеко отставал от Сайтё, приближенного императора Камму. Вряд ли Сайтё желал изменить такое положение, однако обстоятельства сложились не в его пользу. При дворе возрастал интерес к эзотеризму (главными причинами этого были бедствия в стране и болезнь императора), чтение отрывков из «Махавайрочана–сутры» было вменено в обязанность монахам всех храмов. Сайтё было предложено провести церемонию *абхишека*. Таким образом, хотел он того или нет, ситуация вынуждала его углублять знания эзотерической системы. Вероятнее всего, он видел «Список привезенных и преподносимых [рудов и вещей]», представленный Кукаем ко двору по возвращении, в предисловии к которому давались краткая характеристика учения *мантраяны* и аннотации привезенных текстов. Вскоре Сайтё послал ему письмо с просьбой об одолжении 12 сутр и комментариев — все эзотерического содержания. Подобные просьбы повторялись не раз.

Их первая встреча произошла 3 февраля 809 г., когда Кукай поднялся к Сайтё на гору Хиэй; вторая — 29 октября 812 г., когда Сайтё пришел к Кукаю в храм Отокунидэра¹⁷ с целью пройти церемонию *абхишека* (признавая, таким образом, главенство Кукая в эзотерической системе). Кукаю понадобилось в Китае два месяца, чтобы быть допущенным к последней стадии церемонии *абхишека*. Когда Сайтё спросил, сколько времени это займет у него, Кукай ответил: «Возможно, три года». Для Сайтё это было слишком долго и, как мы уже говорили, он уехал, оставив в обучении у Кукая своих учеников Тайхана, Энтё, Кэньэя.

Надо сказать, что и Сайтё, и Кукай рассматривали учение оппонента как не более, чем элемент собственной философской системы. Оставляя трех монахов у Кукая, Сайтё, вероятно, рассчитывал подготовить для Тэндай знатоков эзотерических компонентов своего учения. Кукай предупредил его, что оставшиеся монахи могут избрать для себя учение Сингон, однако Сайтё не придал значения этим словам. Из своего монастыря он продолжал посылать письма с просьбами о присылке эзотерической литературы,

¹⁶ Гисин (781–833), сопровождавший Сайтё в Китай в должности переводчика, стал в 822 г. его преемником, однако он совершенно не интересовался эзотерическим направлением буддизма и поэтому отменил специальный курс обучения, установленный его знаменитым предшественником на горе Хиэй. Об этом свидетельствует его трактат, представленный императору Дзюнна в 830 г. С этим были несогласны некоторые влиятельные деятели школы Тэндай, включая Энтё, ставшего главой Тэндай после Гисина и вновь просившего Кукая об инициации группы монахов в систему Сингон. Кукай исполнил это пожелание в 831 г., незадолго до своей кончины.

¹⁷ Тэндайские монахи настаивают на первой дате (809 г.), опираясь на соответствующую запись о посещении в документе «Энрякудзи гококу энги». Адепты Сингон утверждают, что это позднейшая приписка.

решив, по-видимому, изучить *миккё* самостоятельно. Это явно шло вразрез с индийской и китайской традициями, согласно которым истинное знание могло передаваться лишь непосредственно от учителя к ученику, о чем Кукай в конце концов и написал Сайтё в довольно резкой форме. Кроме того, он прекратил посылку Сайтё книг. Отношения между двумя идеологами резко обострились. Отказ Тайхана вернуться к Сайтё привел к окончательному разрыву отношений.

Подоплекой конфликта было коренное расхождение взглядов Сайтё и Кукая на соотносимость, говоря современным языком, политической и религиозной деятельности. Грань между двумя этими сферами в то время была весьма размытой. Буддийские монахи имели сильное влияние на императоров, примерами чего служат инциденты с Гэмбо, который желал переделать все на китайский лад, и Докё, попытавшимся захватить верховную власть в стране. Сайтё, недовольный положением дел в Японии, стремился противопоставить «несовершенному совершенное», государству светскому государство монашеское и даже, в известной степени, подчинить первое второму. Организацию бодхисаттв-монахов, практически неподконтрольную властям, он пытался превратить в орган, направляющий действия правительства. Через несколько веков эта идея в искаженном виде проявилась в создании отрядов «монахов-воинов» (僧兵) с горы Хиэй, довольно долгое время терроризировавших население и диктовавших правительству свою волю.

В противоположность Сайтё, Кукай не стремился воздействовать на политические планы императоров, но старался изменять мировоззрение отдельных людей, прежде всего собственным примером.

Особенности новой школы. Хотя буддизм в Японии конца VIII — начала IX в. и был представлен вполне оформившимися направлениями, господствующей формой мировоззрения его назвать было еще нельзя. С одной стороны, ему противостояли синтоистские верования большинства населения. С другой — им слишком часто прикрывались властолюбивые иерархи в стремлении поставить о зависимость от себя государственный аппарат (это подтверждают инциденты с Гэмбо и Докё, а также засилье нарских монастырей). Это была эпоха, по выражению У. Лафлёра, «эпистемологического кризиса», т. е. «время, когда буддийская система символов заменяла <...> синтоистскую».

Следует также учитывать различия в синтоистских и буддийских взглядах на институт императорской власти: «В первой системе суверен считался непогрешимым вне зависимости от его действий, будучи божественного происхождения; во второй — законность его поступков определял выбор буддизма или его отвержение.

В этом и состояла основная философская трудность принятия новой религии. Вопрос заключался в том, будет ли влияние новой веры достаточно сильным, чтобы превозмочь традиционное обоснование императорской власти. Выход был найден в соотносительности синтоистских богов с буддийским пантеоном»¹⁸. Установление при дворе постоянного буддийского института и, как результат, сближение императоров с искушенными в политике монахами типа Гэмбо и Докё ускорило этот процесс.

Роль Кукая проявились в том, что «его» буддизм не был ни противопоставлен синтоистской системе, ни уподоблен ей. Теория *рёбу-синто*, утверждающая, что синтоистские божества есть лишь проявления на японской почве божеств буддийского пантеона, была основана на положении 顯密二教 — «два учения, явное и скрытое», подробно изложенном в трактате Кукая «О двух учениях: откровенном и сокровенном». Единство всех миропроявлений, недuality феноменов природы и сознания проявились и здесь. Люди, писал Кукай, видят то, что видеть в состоянии,

¹⁸ [ЛаФлёр 2000: 26].

воспринимают эту жизнь так, как позволяет им их уровень постижения истинной действительности. Есть две реальности — внешняя и внутренняя, тайная и явная, которые как бы совмещены, наложены одна на другую, существуют одна в другой, «составляют два, но не есть два» (持二不二). Посредством этого была сделана «тонкая попытка уменьшить возможность конфликта и примирить две формы понимания — синтоистскую и буддийскую»¹⁹.

Кукай не смог бы основать свою школу, просто противопоставив ее «старым» нарским и относительно «новой» - Тэндай, или добавив ее к ним. Сингон была не просто «школой» (真言宗), но еще и «Колесницей» (真言乘, Мантраяна), обладающей собственным «канонам» (真言藏, мантрапитака), то есть учением первого уровня, вместе с Хинаяной и Махаяной.

Тексты, использовавшиеся нарскими школами, были в основном теоретическими; ритуалам в них уделялось мало внимания. Привезенные Кукаем и пропагандировавшиеся им тексты Ваджраяны/Мантраяны представляли детальное описание разнообразных ритуалов поклонения божествам, дхарани и практикования самадхи. Для монахов нарских школ дхарани на являлись объектом интеллектуального анализа, представляясь исключительно как магические (охранительные) формулы²⁰.

Учение Сингон именуется «тайным», «эзотерическим», «сокровенным» (密教), в противовес «открытому», «экзотерическому» (顯教), «откровенному». Такое название вовсе не подразумевает специального «засекречивания» каких-либо магических средств для пользования ими узким кругом лиц. «Секрета» в общем понимании здесь нет, хотя со стороны это выглядит именно так. Учение является тайным потому, что большинство людей просто не в состоянии осознать ту истину (видящие не видят, слышащие не слышат), что они сами и есть Будда²¹. Истинное знание невозможно ограничить словами или знаками, поэтому передача его шла непосредственно от учителя ученику, «от сердца к сердцу» (一心傳心). Часто подчеркивалась принципиальная невозможность достичь просветленности без помощи учителя; таким образом исключался одиночный, индивидуалистический путь.

Реакция буддийского истеблишмента на новое образование проявилась в работе Токуицу «Нерешенные вопросы школы Сингон»²², составленной в форме 11-ти вопросов. Кукай ответил непосредственно лишь на два из них в своих трактатах «О двух учениях: откровенном и сокровенном» (819 г) и в «Записях и передаче дхармы современной мандалы». В первом он писал: «Есть ... две разновидности [буддийского] учения. То, что открыто говорил Нирманакая, называется откровенным учением. Слова [в нем] ясны и кратки, приспособлены к возможностям [воспринимающих]. Изречения Дхармакая именуется Тайной Сокровищницей. Слова [его] сокровенны и

¹⁹ [ЛаФлёр 2000: 49].

²⁰ Термин мантра стал переводиться как Истинные Слова (真言) лишь после деятельности трех патриархов эзотерического буддизма: Шубхакарасимха, Ваджрабодхи и Амогхаваджра. До них в переводах эзотерических текстов на китайский язык, выполненных Атикута, Шикшананда, И-цином, Сюань-цзаном, Бодхиручи и другими, использовалось слово чжоу (呪/咒) – «заговор», «магическая формула». Первоначально чжоу обозначало как мантры, так и дхарани.

²¹ «В этой Колеснице есть два [вида] значений: мелкое и неполное, [откровенное] и глубокое и сокрытое, [сокровенное]. Использование могих слов и фраз для передачи единственного значения - мелко и неполно; когда же в каждом отдельном слове заключено безграничное значение, это – сокровенная мантра» [Кобо Дайси 1979, т. 1: 553]

²² 「真言宗未決問」 T 2458.77. В отличие от жесткой переписки с Сайтё, в которой Токуицу называл его «извращенной деревенщиной», а тот его «поедающим одну грубую скудную пищу», в письмах к Кукаю обращение было гораздо мягче.

глубоки, [в них] содержится истина»²³. «Сокровенное учение» могло передаваться в строгом соответствии с возможностями восприятия ученика. Для выявления этих возможностей помимо имеющей большое значение интуитивной оценки учителя, с первого взгляда определявшего характер и потенции новичка, практиковались различные варианты обряда «абхишека» (灌頂). Сначала на голову стоявшего в алтаре ученика проливали немного воды²⁴. Затем ученик бросал на лежавшую перед ним мандалу цветок, который падал на определенное изображение. После этого учитель давал вновь посвященному мантру²⁵ (真言) — магическую словесную формулу, и показывал мудру²⁶ (印芸) — фигуру из сложенных пальцев, символ просветленного состояния Будды или бодхисаттвы, на изображение которого упал цветок. Ученик, прошедший такой обряд, с этого момента как бы начинал осознавать свою миссию в данном перерождении, которая соответствовала (разумеется, с поправкой на то, что посвященный находился на человеческом уровне) целям и средствам данного Будды.

Кукай был убежден в том, что сам факт проповеди Учения Махавайрочаной указывает на суть и основу всего существования — язык. Исходный язык Дхармакая (высшего уровня, иного, не-человеческого измерения) есть мантра, которую можно перенести в человеческий мир «изобразительно», в виде мандалы. Звук, знак, истинно-сущее представлялись ему Тремя Таинствами Будды и исходной природой всего существующего (включая людей).

Начавшийся после Кукай импорт мандал двух типов (ваджра- и гарбха-) вместе с текстуальными описаниями связанных с ними ритуалов провели четкую грань между эзотерическим и экзотерическим буддизмом. Резко увеличилось число известных будд, бодхисаттв и божеств; в храмах изображения стали расставляться согласно схемам мандал; была представлена большая группа до тех пор неизвестных яростных божеств — видьяраджа (明王).

Разумеется, помимо предметов, объектов нового буддийского направления необходимы были и те, кто полностью отнес бы себя к нему, его субъекты. Немало японских монахов бывали в танском Китае и до Кукай, некоторые из них (Гэмбо из школы Хоссо, Додзи из школы Санрон и др.) учились у наставников эзотерического направления и привозили на родину соответствующие тексты, но все они были из высших слоев буддистов-ученых, не собиравшихся изменять *status quo* и укреплявших

²³ [Кобо Дайси 1979, т. 1: 2].

²⁴ В древности подобный обряд отправлялся при коронации царей: вода четырех морей, пролитая на него, делала его владыкой четырех сторон света. В буддизме обряд был переосмыслен как обретение свойств будды или бодхисаттвы; вода проливалась из пяти кувшинов, символизовавших «пять мудростей».

²⁵ В сочинении «Тайный ключ к сутре сердца Праджня» Кукай описывал значимость *мантр* следующим образом: «Мантра (*сингон*) чудесна и загадочна, при повторении и медитировании устраняет неясности; один знак включает тысячу истин; в настоящем теле постигаешь свое подобие Дхармакая. Иди и иди, покуда не достигнешь полного покоя (букв, «круга небытия». — *Авт.*); удаляйся и удаляйся, покуда не войдешь в изначальный источник. Троичный мир (“мир желаний”, “мир форм”, “мир отсутствия форм”. — *Авт.*) подобен хижине для путников; единое сердце (адекватность подвижника с Дхармакая. — *Авт.*) есть истинное пристанище» [Кобо Дайси 1979, т. 1: 120]. Произнося слова *мантры*, человек как бы вторит голосу естественного, изначального мира, в котором слово и дело были неразделимы, а «называние» было тождественно «созиданию». *Мантра* служила одним из средств «подсоединения» человека ко Вселенной, перевоплощения микрокосма в макрокосм.

²⁶ Если *мантры* представляют собой некий «космический язык», то *мудры* являются «космическими знаками». Два этих феномена неразделимы: делая *мудру*, произносят определенную *мантру*, с тем чтобы войти в состояние *самадхи* и достичь «слияния чувств».

новыми знаниями лишь свое положение в нарской буддийской общине²⁷.

Виды искусства в школе Сингон подразделяются на четыре группы: живопись и скульптура; музыка и литература; жесты и танец; изготовление ритуальных предметов. Кукай считал, что способности к искусству могут быть развиты посредством практикования «трех таинств»; занятия искусством могут дать в результате шедевр, который сам по себе является Буддой. Ведь для Кукая все прекрасное несло в себе природу Будды в особо проявленном виде. Искусство, природа, учение в его представлении были триедины. В целом же создается впечатление, что для Кукая не существовало завершенных произведений: каждая работа была как бы сопряжена с другими, перетекала в них; весь мир представал созданным из эзотерических текстов.

Письменные труды. Первое произведение Кукая «Санго сиики» («Направляющие мысли о трех учениях») было написано, как гласит предание, в 794 г., когда ему было 24 года. В 826 г. труд был как бы переписан заново под новым названием «Роко сиики» («Направляющие мысли для слепых и глухих»). В предисловии к нему Кукай предлагает совершенно новый тип литературы, который не только равен по интеллектуальной глубине лучшим произведениям китайской традиции, но по своей значительности сопоставим с национальными историческими хрониками и философскими трактатами. Этот жанр должен был не просто привлечь внимание его интеллектуалов-современников, но также бросить вызов их монополии на произведения такого рода. Одна из центральных тем работы: сравнение этического учения конфуцианства с буддийским учением о карме. Работа зафиксировала разрешение ментального кризиса Кукая: его разочарования в конфуцианском учении, писания которого ему преподавали в столичном Университете²⁸.

За 30 лет после возвращения из Китая (806–835) Кукай написал около 50 трудов, в основном — трактаты по эзотерической буддийской системе. Наиболее значительные из них: 弁顯密二教論 («Трактат о двух учениях: откровенном и сокровенном», 814); 即身成仏義 («Достижение состояния Будды в нынешнем теле», 817); 吽字義 («Значение знака "ХУМ"», 817); 真言府法傳 («Записки о передаче учения Мантраяны», 821); 秘密曼荼羅十住心論 («Трактат о десяти пребываниях сердца», 830); 般若心經秘鍵 («Тайный ключ к "Праджня-парамита хридая-сутре"», 834).

Кукай писал и литературоведческие работы (также с эзотерическим подтекстом): 文鏡秘府論 («Трактат о тайной сокровищнице зеркала поэзии», 819); словарь 篆隸万象名義 («Значения названий 10 тысяч вещей, [записанные стилями] *чжуань* и *ли*», между 830 и 835 гг.). «Бункё хифу-рон» (в шести свитках) представляет собой разбор китайской системы стихосложения (*бэнрэйтай*) в ее развитии, начиная с периода шести династий; в нем даются также сведения лингвистического характера (прежде всего - о соотносимости санскритского и китайского языков²⁹). «Тэнрэй бансё мёги» представляет собой первую в истории Японии попытку создания

²⁷ С момента возвращения Кукая (806 г.) и до решения двора в 894 г. прекратить посылки миссий из-за упадка китайской династии, шестеро монахов школ Сингон и Тэндай побывали в Китае для изучения эзотерического буддизма: Дзёгё (838-39), Энгё (838-39), Эннин (838-47), Эун (842-47), Энтин (853-58), Сюэй (862-65).

²⁸ Комментированный перевод на русский язык см. в: [Три учения 2005].

²⁹ Знакомство части ученых монахов с санскритом привело к созданию системы диакритических знаков (*сётэн*) для китайских иероглифов, которыми записывались дхараны, но которые сами по себе не могли передать тончайшие отличия звуков санскрита. Требовались дополнительные указания, которые и приводит Кукай, возможно, выработав их со своим учителем санскрита Праджней.

словаря³⁰.

Стихи и письма Кукая были собраны его учеником Синдзэем (800–860) и дополнены монахом Сайдзэном (1025–1115) в книге *遍照発起性靈集* («Сборник [писаний], раскрывающих глубинную суть духа Повсеместно Сияющего»), состоящей из десяти свитков. В первом помещены стихи, навеянные медитациями в горах, во втором — эпитафии (в том числе посвященные Хуэй-го), в третьем и четвертом — стихи императорам и вельможам, в пятом — письма, написанные во время пребывания в танском Китае, в шестом–восьмом — письма с прошениями, в девятом — письма, в десятом — стихи и письма. В книге можно найти интереснейшие сведения о внешней и внутренней политике страны, об экономике, общественном устройстве, о культуре и религии раннего периода эпохи Хэйан. В религиозноведческом плане особый интерес представляют два письма к Сайте (№ 106, 107).

Кукая можно также назвать первым в истории Японии литературоведом, сделавшим немало для становления отечественной литературы и критики. Вот как он описывал подготовительный этап стихосложения:

«Когда намереваешься творить стихи, следует собраться духом, в своих глазах высветить предмет описания, расшевелить этот предмет в своем сердце, тщательно обдумать глубокие моменты, выработать строение предмета и его внешнее окружение и сгустить все это в литературной форме»³¹.

Объектом его собственных стихов были прежде всего горы, воды, облака, небо. Относительно взаимосвязи изображаемого, изображавшего и процесса изображения он писал:

«Предмет изменяется, соответствуя сердцу; загрязнится сердце — помутнеет предмет. Сердце движется, следуя предмету; предмет спокоен — сердце ясно. Сердце и предмет постигаются без слов. Дао и Дэ пребывают в глубине»³².

«Знак — (один) есть начало всех имен, а письменна есть источник всех учений. А раз имена есть первопричина учений, то письменные сочинения (文章) — важнейшее средство управления [страной]. В мирских и в не-мирских делах — как можно это отрицать? Посредством письмен устанавливается гармония пяти звуков, определяются пять цветов. Их ясностью выявляются вещи и их сущность, а значение письменных слов лишаются всяких замутнений. По этой причине письменна определяют слова, а их произнесением обретаются значения. Открывая значения имен просветляют тех, кто не понимает»³³.

В произведениях Кукая выделяются следующие особенности.

В целом: синкретизм — неразрывность религиозного, философского и

³⁰ За образец Кукай взял старейший китайский словарь *Шовэнь цзэцзы* 「說文解字」 составленный ок. 100 г. н.э. и построенный по ключевому принципу (541 элемент). Знаки – словарные единицы Кукай давал в написании *чжуань* (篆, «головастиковое письмо»), ниже – тот же знак уставным стилем *ли* (隸), под ним – краткое объяснение полууставным стилем [Кисида 2003: 133-35].

³¹ Там же, с.405.

³² Там же, с.297.

³³ 「文鏡秘府論」 («Трактат о сокровенном смысле зеркала письмен») [ТКД 1997: т. 6, 3]. Работа высоко ценится в Китае, поскольку в ней цитируются многочисленные утраченные источники по теории китайской поэзии.

литературного аспектов. Такая многоплановость для Кукая естественна и ненадуманна, так как отображает его собственную жизнь. Говоря словами Ф. И. Щербатского, для него «реальность Будды — это реальность Вселенной, и, поскольку Будда не имеет отдельной реальности (*нихсвабхава*), то и Вселенная не имеет никакой реальности вне Будды»³⁴;

безусловная уверенность в превосходстве школы Сингон, но не *над* другими школами, а *наряду с* ними. Практически во всех произведениях Кукай затрагивает проблему явного и сокрытого, экзотерического и эзотерического, проводя в разных формах (художественной, дискуссионной, дискурсивного изложения) одну и ту же мысль — о присутствии сокрытого в явном и, далее, о глубинном, сущностном единстве этих двух планов, о снятии дуалистических противопоставлений;

как правило, написав большой труд с многочисленными и обширными цитатами, Кукай несколько позже создавал его упрощенный вариант. Например, «Записки о поэзии и прозе» (сокращенный вариант «Трактата о тайной сокровищнице зеркала поэзии»), «Семь патриархов, передававших учение» (сокращенные «Записки о передаче учения Мантраяны»), «Драгоценный ключ к тайной сокровищнице» (упрощенный «Трактат о десяти обителях сердца»).

По форме: заимствование китайских форм стихосложения (стиль *бэнрэнтай*, кит. *пянь-сы лю-лю* — «парные четверки и изящные шестерки»); способа классификации различных философских школ в единую систему (*ханкё*, кит. *пань-цзяо* — сокращенное от *цзяо-сян пань-ши*);

использование категориальных систем, на основе которых создавались буддийские трактаты «О пробуждении истинного видения Махаяны» и «Комментарий к трактату о Махаяне». Например, вторая и третья часть работы Кукай «Достижение состояния Будды в нынешнем теле» строятся в соответствии с представлением сущности (體) всех вещей; объяснением феноменальных манифестаций сущности в конкретных формах (相); раскрытием действительности и функции (用) единой сущности.

Президент Университета Коясан Такаги Сингэн³⁵ считает возможным квалифицировать богатое религиозно-философское и художественное наследие Кобо Дайси по литературному формату китайской «поэзии в четыре строки»: введение, развитие, изменение и заключение (起承轉結). Первая строка раскрывает тему поэмы, причину ее составления; вторая развивает тему; в третьей тема рассматривается с иной точки зрения; в четвертой делается вывод из написанного ранее.

К первой позиции относится «Список привезенного и преподносимого» - не обычное перечисление трудов и предметов (не «каталог», как его часто переводят), но краткое и достаточно ёмкое описание новой для Японии эзотерической системы. Практически все мировоззренческие работы, написанные Кукаем в дальнейшем, являлись развитием и расширенным изложением идей и систем, упомянутых в «Списке».

Вторая может начинаться со стихов, навеянных достижением 40-летнего возраста в 813 г.³⁶ Говоря о ритуале, в ходе которого бодхиваттва Маньджушри восхваляет Дхармакая, Кукай кратко описывает главные темы своей мировоззренческой системы: проповедь Учения Телом Дхармы (法身說法) и обретение состояния Будды в нынешней жизни (即身成佛). В том же году Кукай пишет «Сокровенные беседы о Сутре Золотого Света», в котором излагает главную мысль: во всех учениях Будды непременно содержится два уровня значений — искусственный и буквальный (откровенный) и глубокий и истинный (сокровенный),

³⁴ [Щербатской 1988: 88].

³⁵ [Kukai 2010: 22-25].

³⁶ 「中壽感興詩」 перевод приводится в сборнике.

и это полностью относится к разбираемой сутре. В каждом предложении, фразе, слове и знаке содержатся неявные смыслы, которые можно и нужно выделить и осмыслить, - процесс, который японские исследователи называют «мантризацией текста».

Третья выражена коротким трудом «О побуждении связанных с буддизмом» (815 г.), где Кукай отрицает традиционную точку зрения на невозможность выразить обычным языком глубинные смыслы Учения. Он говорит о различных языковых измерениях и о принципиальном и сущностном единстве сознаний Будды и всех существ, позволяющем взаимодействовать на словесном уровне. В «Комментарии к вопросам...» (817 г.) Кукай разъясняет свои взгляды буддийскому сообществу; более углубленно такие пояснения даны в «Трактате о двух учениях: откровенном и сокровенном» и в «Описании передававших учение сокровенной мандалы».

Наконец, четвертая позиция представлена основными концептуальными произведениями Кукай: «Значение становления Буддой в нынешнем теле», «Значение звука, знака, истинно-сущего» и «Значение знака ХУМ», а также капитальными трудами «Трактат о десяти пребываниях сердца в сокровенной мандале» и «Драгоценный ключ к тайной сокровищнице».

Жемчужиной, венчающей мировоззренческое наследие Кукай, стала короткая работа «Сокровенный ключ к Праджня[-парамита] хридая-сутре».